

Пенитенциарный правопорядок: общетеоретические и отраслевые аспекты

Е. В. СВИНИН – заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

Предметом исследования в статье выступает пенитенциарный правопорядок как социально-правовое явление, целью – определение категориальной самостоятельности пенитенциарного правопорядка посредством научного осмысления общетеоретических и отраслевых аспектов содержания данного понятия.

В российской юридической науке уделяется недостаточное внимание отраслевым исследованиям правового порядка. Общетеоретическое понятие оказывается невостребованным отраслевыми науками. Сложившуюся ситуацию возможно исправить посредством разработки полноценной теории правопорядка, основанной на эмпирическом материале различных отраслей российского права. Понятийной конкретизации правового порядка могут служить отраслевые аналоги, одним из которых является пенитенциарный правопорядок.

Основу исследования образуют идеи социально-юридической природы и поликонтекстуальности правопорядка. Поликонтекстуальность пенитенциарного правопорядка отражается в совокупности таких относительно самостоятельных сторон единого понятия, как норма, процесс и результат.

Социально-юридическая сущность пенитенциарного правопорядка позволяет увидеть как внутренние, так и внешние противоречия и обусловленные ими уникальные черты и формы проявления содержания того или иного контекста. Обосновывается тезис, что правопорядок как реально существующее явление имеет как нормальные, так и девиантные формы выражения. Так, девиантными формами являются коллизии и пробелы уголовно-исполнительного законодательства, технико-юридические дефекты. Девиацией пенитенциарного правопорядка как процесса выступают дискретное регулирование правовой процедуры реализации прав, нарушение связей между юридическими фактами и правоотношениями, дисбаланс прав и обязанностей. Девиация пенитенциарного правопорядка как результата правовой жизни связана с противоречиями между юридическими и социальными итогами действия норм уголовно-исполнительного права.

Выводы исследования могут быть использованы при изучении критериев и показателей состояния правового порядка в российской пенитенциарной системе.

Ключевые слова: право; правопорядок; законность; уголовно-исполнительная система; пенитенциарный правопорядок.

Penal law and order: general theoretical and branch aspects

E. V. SVININ – Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The subject of the study is the penal law and order as a social and legal phenomenon. The aim of the work is to determine the categorical independence of the penal legal order by means of scientific understanding of general theoretical and branch aspects of the content of this concept.

In the Russian legal science insufficient attention is paid to the branch studies of the legal order. The general theoretical concept is unclaimed by the branch sciences. The current situation can be remedied by developing a full-fledged theory of law and order based on empirical material of the branches of Russian law. The conceptual specification of the legal order in the sphere of the penal law is the penal law and order.

The basis of the study is formed by the ideas of the socio-legal nature and the polycontextuality of law and order. The polycontextuality of the penal legal order is

reflected in the aggregate of relatively independent sides of a single concept: «norm», «process» and «result.»

The social and legal essence of the penal legal order allows to see both internal and external contradictions and due to them unique features and forms of manifestation of the content of a particular context. The thesis is substantiated that the law and order as a real phenomenon has both «normal» and «deviant» forms of expression. So the deviant forms of the penal law and order as a «norm» of legal life are collisions and gaps in the criminal enforcement legislation, technical and legal defects. The deviation of the penal system as a «process» is the discrete regulation of the legal procedure for the realization of rights, the disruption of the links between legal facts and legal relations, the imbalance of rights and obligations. The deviation of the penal law and order as a «result» of the legal life is connected with the contradictions between legal and social results of the norms of the penal law.

The results of the research can be used in the study of criteria and indicators of the state of the legal order in the Russian penal system.

Key words: law; law and order; legality; legal system; penal law and order.

Исследование состояния правопорядка имеет важное значение для любой отрасли права. К сожалению, в науке уголовно-исполнительного права категория «правопорядок» не получила достаточного осмысления. Полагаем, что введение в понятийный аппарат термина «пенитенциарный порядок» позволит создать условия для всестороннего анализа результатов функционирования уголовно-исполнительной системы и действия уголовно-исполнительного законодательства.

В изучении правопорядка вообще и пенитенциарного в частности следует учитывать существование юридической и социальной сторон действия права. Социально-юридическая сущность правопорядка обусловлена природой права как социального регулятора. С одной стороны, право – это внешний по отношению к обществу инструмент обеспечения порядка, а с другой – неотъемлемая часть социального порядка. В силу этого результаты действия права имеют двойственный характер. Юридические результаты преимущественно характеризуют формальную сторону действия права и находят свое воплощение в системе сложившихся правоотношений и режиме законности, социальные – отражают качественные изменения в общественных отношениях и не имеют юридической формы и содержания.

Понятие «правопорядок» не следует рассматривать только как результат, итог действия права. Проявления юридической упорядоченности можно встретить на различных этапах правового регулирования. Иными словами, на каждой стадии действия этого механизма правовой порядок приобретает свои специфические формы и содержание.

На этапе создания нормы права возникает статичный порядок, который существует в форме нормативной урегулирован-

ности общественных отношений. При этом состояние порядка характеризует полноту предмета правового регулирования, социальную адекватность используемых методов и способов воздействия. Правопорядок может выступать и в качестве процесса, характеризуя реализацию права в системе правовых отношений. В этом случае он проявляется в согласованности юридических фактов и правоотношений, строгом порядке реализации прав и обязанностей субъектов права. Наконец, выступая завершающим элементом правового регулирования, порядок характеризует его юридические и социальные результаты. Таким образом, порядок может быть рассмотрен в качестве нормы, процесса и результата правовой жизни.

Пенитенциарный порядок следует воспринимать как частное проявление правопорядка. Всестороннее представление о данном виде правопорядка может быть сформировано в результате анализа всего массива норм уголовно-исполнительного права. Нами будут затронуты лишь отдельные стороны выбранной проблемы с целью раскрыть качественную определенность и методологическую роль пенитенциарного правопорядка.

В наиболее общем виде под пенитенциарным порядком следует понимать качественное состояние отношений в пенитенциарной сфере, проявляющееся в сложившейся системе правового регулирования, процессе реализации норм и социально-юридических результатах их действия.

Пенитенциарный порядок как проявление нормативности правовой жизни предполагает анализ системно-структурных связей правовых норм и юридических форм их выражения. В этом аспекте порядок передает интегративный эффект,

возникающий в результате принятия юридических норм. Состояние правопорядка даже на этапе общего действия норм права, несмотря на отсутствие конкретных правоотношений, способствует определенной стабильности и устойчивости правовой жизни.

Статичность правопорядка отражается в нормативном закреплении правовой структуры общества и государства. При этом правосубъектность субъектов права, а также установленный правовой режим дозволенного, обязанного и запрещенного поведения как очерчивают внешние границы правового поведения, так и проводят внутреннее разделение между правомерным и противоправным. Нормативная согласованность и системность юридических норм обуславливают определенные ожидания и социально-правовые установки субъектов права. В этой связи хотелось бы отметить, что осознание возможности обладания правом или возможности защитить нарушенное право либо понести юридическое наказание за нарушение обладает самостоятельным регулятивным эффектом. При этом чем выше степень реальности указанной возможности, чем полнее и достовернее знание о механизме ее реализации, тем выше уровень нормативного правопорядка. Ярким примером может служить право на условно-досрочное освобождение. Оно позволяет активно влиять на поведение осужденных, добиваясь определенного порядка на территории исправительного учреждения.

Показатели пенитенциарного правопорядка как нормы правовой жизни характеризуют качественную сторону юридических норм. Ими могут быть однозначность содержания, логическая целостность, непротиворечивость, соответствие вышестоящим юридическим нормам и, наконец, социальная значимость норм. Следует отметить, что указанные выше показатели носят качественный характер. Количественная оценка правопорядка как нормы правовой жизни весьма проблематична, поскольку не всегда увеличение количества законов (юридических норм) приводит к укреплению порядка в обществе. Обеспечение правопорядка сводится к своеобразному лавированию между строгой и детальной регламентацией одного типа отношений и предоставлением юридической свободы для другого.

Позволим себе еще несколько замечаний. Понимание порядка связано с анализом соотношения нормального и девиантного в правовой жизни. Нарушение либо снижение

правового порядка связано с существованием различных девиаций. Ярким примером могут служить пробелы в российском праве, а также чрезмерная абстрактность и неопределенность юридической терминологии.

Пробелы, коллизии, технико-юридические дефекты и прочие негативные явления не исключают правопорядка, а свидетельствуют о его девиантном содержании. Диалектика настаивает на необходимости исследования явления в единстве его противоречивых сторон. В свете этого полагаем, что состояние правопорядка обусловлено взаимодействием положительных и отрицательных факторов.

Следует согласиться с А. В. Малько и И. Д. Наввахай в том, что правовая жизнь включает в себя как правомерные, так и противоправные явления. Так, аргументируя свою позицию, ученые отмечают, что «правомерные и противоправные начала правовой жизни являются правовыми по своему характеру (в смысле юридическими) и выступают составными частями юридической среды, сегментами правового поля» [1, с. 11]. Правопорядок как норма правовой жизни также характеризуется наличием положительных и деструктивных компонентов. Преобладание первых свидетельствует о высоком уровне правопорядка, преобладание последних – о низком. Однако и в том, и в другом случае правопорядок продолжает существовать.

Девиантные формы правопорядка свидетельствуют о низком качестве правовых норм. Наша позиция заключается в том, что правопорядок нельзя идеализировать. Иными словами, он может быть несовершенным. Правопорядок возникает одновременно с появлением права и государства и никуда не исчезает, поэтому важной задачей государства и гражданского общества является своевременное совершенствование и изменение правопорядка.

Основу пенитенциарного правопорядка образуют нормы УИК РФ. Количество вносимых в кодекс изменений позволяет говорить о достаточно высоком технико-юридическом качестве норм уголовно-исполнительного права и, соответственно, высоком уровне пенитенциарного правопорядка. Однако проанализируем ряд нормативных положений, свидетельствующих о недостатках правового регулирования.

Исполнение уголовных наказаний – это деятельность, которая объективно нуждается в существовании понятной и четко ре-

гламентированной правовой процедуры. В связи с этим хотелось бы отметить, что для существующего нормативного пенитенциарного правопорядка необходима более последовательная и прозрачная регламентация. Ориентиром правового развития может служить практика регулирования административных действий при предоставлении государственных услуг и исполнении государственных функций.

Постановление Правительства Российской Федерации от 16.05.2011 № 373 (ред. от 25.01.2018) [2] устанавливает требования к разработке административных регламентов. Описание каждой административной процедуры должно содержать такие элементы, как основание процедуры, содержание и продолжительность административных действий, ответственные лица, условия, порядок и срок приостановления, критерии принятия решения, результат и способ его фиксации. Наиболее общий перечень правовых процедур исполнения уголовных наказаний приведен в ч. 2 ст. 2 УИК РФ. Однако последующие разделы и главы кодекса не содержат подробной и последовательной их регламентации. Пробельность правовой процедуры приводит к снижению социальной эффективности правового порядка. Приведем ряд примеров.

Существование облегченных, обычных и льготных условий содержания осужденных в исправительных учреждениях должно являться стимулом к исправлению и правопослушному поведению. В соответствии с п. 6 ст. 122 УИК РФ «перевод из строгих условий отбывания наказания в обычные производится не ранее чем через девять месяцев при отсутствии взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания». Обратим внимание на то, что верхняя граница срока содержания в строгих условиях не установлена. Получается, что возможность перевода является не субъективным правом, а законным интересом осужденного, реализация которого зависит от усмотрения администрации исправительного учреждения. Отсутствие четкого правового регулирования сроков принятия решения указывает на дискреционный характер полномочия, и потому, на наш взгляд, приведенная норма может снижать заинтересованность в правомерном поведении.

В соответствии с п. 4 ст. 122 УИК РФ «осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, переводятся в обыч-

ные или строгие условия отбывания наказания». В указанном примере широта дискреционных полномочий граничит с наличием коррупциогенного фактора в российском законодательстве.

Важным институтом уголовно-исполнительного права является признание осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания (далее – злостный нарушитель). Вместе с тем правовые процедуры этого института имеют весомые пробелы.

Следует заметить, что признание злостным нарушителем по буквальному смыслу ст. 115 УИК РФ не является мерой взыскания. Злостный нарушитель – это специфический статус осужденного, который своим поведением игнорирует установленные требования режима и вытекающие из этого статуса определенные ограничения (в частности, такие осужденные переводятся из обычных условий в строгие). Нормы, предусматривающие возможность признания осужденного злостным нарушителем, имеют превентивное значение. Понимание связи между поведением и возможными ограничениями должно подталкивать осужденных к формированию социально полезных установок. Вместе с тем пенитенциарный порядок в рассматриваемой сфере имеет существенный изъян: уголовно-исполнительное законодательство не предусматривает юридической возможности снятия указанных статусных ограничений. На наш взгляд, это является серьезным недостатком правового регулирования.

Девиантность пенитенциарного правопорядка проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, осужденный, признанный однажды злостным нарушителем, фактически остается в этом статусе до конца срока отбывания уголовного наказания. В этой связи юридическая возможность повторного признания злостным нарушителем является нонсенсом, поскольку осужденный и так им является. Кроме того, при буквальном толковании норм, регламентирующих перевод из обычных условий в строгие и из строгих в обычные, возникает логическое противоречие. Так, ч. 5 ст. 120 УИК РФ предусматривает, что при отсутствии взысканий в течение шести месяцев осужденный может быть переведен из строгих условий в обычные. Однако в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 120 УИК РФ осужденный должен быть переведен в строгие условия содержания, поскольку ранее был признан злостным нарушителем.

Алогизм сложившейся ситуации налицо. При этом практика идет по пути не буквального, а расширительного толкования, допускающая возможность неоднократного признания осужденного злостным нарушителем.

Во-вторых, серьезное противоречие может проявляться и в другой форме. Злостный нарушитель по истечении установленного времени и при отсутствии взысканий может быть переведен в обычные условия, а в последующем и облегченные. Более того, при соблюдении формальных моментов суд может признать такое лицо не нуждающимся в полном отбытии установленного срока уголовного наказания и, соответственно, освободить его условно-досрочно.

Вполне очевидно, что признание осужденного злостным нарушителем должно устанавливаться на определенный срок, при этом следует предусмотреть возможность снятия этого статуса, тем более что после освобождения факт признания злостным нарушителем может повлечь определенные правовые последствия (в частности, установление административного надзора).

Правопорядок как норма правовой жизни не является единственной стороной единого содержания. Не меньшее внимание следует уделять правопорядку как процессу правовой жизни. Иными словами, правовой порядок вообще и пенитенциарный в частности характеризуют процедурно-процессуальную сторону правовой жизни общества.

Пенитенциарный правопорядок как процесс правовой жизни позволяет увидеть динамику правового отношения. Рассматриваемая сторона правопорядка ориентирует исследователя на анализ нескольких взаимосвязанных проблем. Во-первых, следует задаться вопросом, какова эффективность социальной роли предусмотренных нормами права юридических фактов. В данном случае крайне важно отслеживать связи юридического факта и правоотношения. Иными словами, юридический факт может в реальной жизни возникнуть, однако не привести к появлению правоотношения, поскольку для субъектов его социальная роль незначительна и они не прилагают усилий для возникновения правоотношения.

В качестве примера можно привести следующие статистические данные. В 2017 г. количество осужденных, подпадающих под условно-досрочное освобождение или замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания, составляло 204 073 чел. В то же время количество осужденных, реализовавших указанные законные интересы,

составило 74 270 чел., то есть всего 36,3 %. При этом количество осужденных, подавших ходатайство на условно-досрочное освобождение, составило 91 328 чел., то есть 44 % [8, с. 56–57]. Таким образом, значительная часть осужденных, имея формальное право, не стремится к его реализации.

Следует отметить, что в юридических фактах органично переплетаются нормативная и волевые стороны. В указанном выше примере можно увидеть существенное расхождение в цифрах, что свидетельствует о формальности нормативной стороны, ее отрыве от социальной жизни.

Одна из причин отсутствия волеизъявления может заключаться в том, что осужденный не рассматривает обладание правом в качестве ценности и поэтому не стремится к нему. В контексте высказанного предположения приведем ряд статистических данных о количестве осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях на различных условиях.

Так, в 2017 г. среднесписочная численность осужденных составляла 513 818 чел.; в обычных условиях отбывали наказание 428 444 чел. (83 %), в облегченных условиях – 60 094 чел. (12 %) [8, с. 270]. Анализ статистики за прошедшие годы показывает, что такое соотношение является стабильным. На наш взгляд, отсутствие мотивации и стремления у осужденных отбывать наказание в облегченных условиях во многом связано с поверхностной и недостаточно глубокой дифференциацией различных условий содержания.

Приведенные примеры позволяют понять ориентиры исследования пенитенциарного правопорядка как процесса правовой жизни. Отметим, что кроме анализа возникновения правоотношений рассматриваемый срез правопорядка требует выяснения соотношения объема прав и обязанностей субъектов правоотношений, а также содержания и характера фактических действий в рамках правовых процедур реализации установленных прав и обязанностей.

Правопорядок как процесс правовой жизни закономерно приводит к определенным результатам. Правопорядок как результат представляет собой совокупность социальных и юридических результатов правового регулирования. Юридические результаты выражаются в правомерном поведении и состоянии законности. Социальные результаты характеризуют состояние и уровень развития фактических (экономических, политических и пр.) отношений. Юридические

результаты всегда первичны, тогда как социальные появляются опосредованно и не находятся в прямой (причинной) связи с правовым регулированием. Более того, вполне допустима ситуация, когда юридические результаты (правомерное поведение) будут создавать препятствия на пути к возникновению социального эффекта.

На наш взгляд, в содержании правопорядка как результата правовой жизни социальные результаты действия права должны занимать центральное место. Состояние правопорядка определяется характером соотношения юридических и социальных результатов. Высокий уровень законности не всегда означает высокий уровень правопорядка. Рассмотрим это на примере пенитенциарного правопорядка, для чего проанализируем ряд статистических данных, характеризующих деятельность уголовно-исполнительной системы за период с 2012 по 2017 г.

Наиболее ярким показателем функционирования уголовно-исполнительной системы является количество условно-досрочно освобожденных лиц. Сравним количество осужденных этой группы с общим количеством осужденных, характеризующихся положительно: в 2012 г. было освобождено 91 432 осужденных из 111 185 характеризующихся положительно (82 %) [3, с. 59]; в 2013 г. – 67 700 из 97 849 (69 %) соответственно [4, с. 55]; в 2014 г. – 55 647 из 88 312 (63 %) [5, с. 56]; в 2015 г. – 46 934 из 77 138 (60 %) [6, с. 56]; в 2016 г. – 56 296 из 79 236 (71 %) [7, с. 57]; в 2017 г. – 55 470 из 82 179 (67 %) [8, с. 56].

Представленные данные убедительно свидетельствуют об эффективности воспитательной работы. Однако если сопоставить указанные цифры с данными судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии судимости за 2012–2017 гг., то вывод будет не столь однозначным. Так, количество лиц, которые были условно-досрочно освобождены и затем совершили преступление, в 2012 г. составило 42 758 чел., в 2013 г. – 38 425 чел., в 2014 г. – 32 613 чел., в 2015 г. – 28 955 чел., в 2016 г. – 25 746 чел., в 2017 г. – 22 454 чел. [9].

Получается, что ежегодно фактически половина осужденных, в отношении которых суд ранее принял решение о том, что они не нуждаются для своего исправления в дальнейшем отбывании уголовного наказания, вновь совершает преступления. Статистические данные могут поставить под сомнение эффективность сложившейся юридической практики. Иными словами, правомерная деятельность суда и администрации исправительного учреждения не приводит к появлению должных социальных результатов, то есть фактическому исправлению осужденных.

В заключение сформулируем ряд обобщающих выводов.

В основе нашего понимания правопорядка лежат две основополагающие идеи: социально-юридическая сущность правопорядка и его поликонтекстуальная природа. Феномен порядка и упорядоченности в общественных отношениях невозможно раскрыть с помощью исключительно правоотношений и иных юридических категорий. Складывающиеся в обществе правоотношения и существующий режим законности являются важнейшей частью правопорядка. Однако правопорядок, выступая юридической категорией, имеет и социальное содержание. Двойственная социально-юридическая природа, а также идея поликонтекстуальности позволяют выделить в едином содержании правопорядка такие три стороны, как норма, процесс и результат.

Общетеоретическая природа категории «правопорядок» может проявить себя в полной мере лишь при наполнении ее конкретным содержанием в ходе анализа отраслевых проблем правового регулирования. Крайне важно осуществить переход от абстрактных исследований сущности правопорядка к изучению конкретных проблем определения его состояния и средств укрепления в отраслевых сферах правового регулирования. Успешное решение указанной задачи находится в зависимости от создания теории правопорядка, к разработке которой должны приложить усилия ученые-правоведы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малько А. В., Невважай И. Д. Правовая жизнь и теневое право // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 4. С. 8–16.
2. О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг : постановление Правительства Российской Федерации от 16.05.2011 № 373 (ред. от 25.01.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 22. Ст. 3169; 2018. № 6. Ст. 880.
3. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2012 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2013. 310 с.

4. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2013 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2014. 300 с.
5. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2014 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2015. 359 с.
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2015 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2016. 402 с.
7. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2016 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2017. 385 с.
8. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2017 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018. 358 с.
9. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2017 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 19.06.2018).

REFERENCES

1. Mal'ko A. V., Nevvzhaj I. D. Pravovaya zhizn' i tenevye pravo [Legal Life and Shadow Law]. Pravovaya politika i pravovaya zhizn' – Legal Policy and Legal Life. 2013. Iss. 4. P. 8–16. (In Russ.).
2. O razrabotke i utverzhdenii administrativnyh reglamentov ispolneniya gosudarstvennyh funktsij i administrativnyh reglamentov predostavleniya gosudarstvennyh uslug : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 16.05.2011 № 373 (red. ot 25.01.2018) [On the development and approval of administrative regulations for the performance of public functions and administrative regulations for the provision of public services : Decree of the Government of the Russian Federation from 16.05.2011 No. 373 (in red. on 25.01.2018)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. Iss. 22. Art. 3169; 2018. Iss. 6. Art. 880. (In Russ.).
3. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2012 g.) : inform.-analit. sb. [The main indicators of the Penal system in January – December 2012 : information-analytical collection]. Tver, 2013. 310 p. (In Russ.).
4. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2013 g.) : inform.-analit. sb. [The main indicators of the Penal system in January – December 2013 : information-analytical collection]. Tver, 2014. 300 p. (In Russ.).
5. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2014 g.) : inform.-analit. sb. [The main indicators of the Penal system in January – December 2014 : information-analytical collection]. Tver, 2015. 359 p. (In Russ.).
6. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2015 g.) : inform.-analit. sb. [The main indicators of the Penal system in January – December 2015 : information-analytical collection]. Tver, 2016. 402 p. (In Russ.).
7. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2016 g.) : inform.-analit. sb. [The main indicators of the Penal system in January – December 2016 : information-analytical collection]. Tver, 2017. 385 p. (In Russ.).
8. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2017 g.) : inform.-analit. sb. [The main indicators of the Penal system in January – December 2017 : information-analytical collection]. Tver, 2018. 358 p. (In Russ.).
9. Osnovnye statisticheskie pokazateli sostoyaniya sudimosti v Rossii za 2008–2017 gody [The main statistical indicators of the criminal record in Russia for 2008–2017]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (accessed 19.06.2018). (In Russ.).

УДК 340.1

Правовые режимы и их взаимодействие с иными социальными регуляторами и средствами психолого-педагогического воздействия (теоретико-правовой анализ)

В. Е. ЛАПШИН – профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. ШАХАНОВ – доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и